ХУДОЖЕСТВА
• События • Анонсы • Коллизии • Впечатления
Пятница,
7 августа 1998 года

арову предлагают снять 180 серий

Визави

Даже мафия уважает

Сергея Газарова

Еще года два назад имя актера и режиссера Сергея Газарова было у всех на слуху. Он много играл в театре у Табакова, только снял свой дебютный фильм «Ревизор», вызвавший бурю споров, поскольку очень уж был далек его Хлестаков в исполнении Евгения Миронова от традиционного представления нашего об этом персонаже. Потом Москва была слегка возбуждена тем фактом, что Газаров, удачливый актер и режиссер, вдруг занялся необычной коммерцией — открыл собственный ресторан «Хлестаковъ». Очень уютный, выдержанный в старинном духе, предлагающий посетителям блюда из тех, что откушивал сам Иван Александрович.

Марьяна СИДОРЕНКО

Я лично имела удовольствие отужинать как-то раз в заведении у Газарова в обществе французского актера Пьера Ришара и могу засвидетельствовать, что кормят там отлично, обстановка очень приятная, интерьеры навевают разные сентиментальные мысли... Тогда нас принимали доброжелательные хозяева — сам Сергей и его очаровательная супруга актриса Ирина Метлицкая. Через полгода Ирины не стало, а Сергей постепенно ушел в тень. И как-то тихо исчез из поля зрения...

Фото Кирилла ИСКОЛЬДСКОГО

Веч. Москва. — 1998. — 7 авг. — с. 6

...Договариваясь об интервью с Газаровым, я почему-то думала, что он назначит встречу где-нибудь в театре Табакова или около него. Но наша беседа проходила в кабинете Армена Борисовича Джигарханяна, в его собственном театре.

— Вы когда-то были в команде Олега Табакова, уходили от него по не зависящим от вас причинам, потом возвращались. Теперь, судя по всему, ушли от него окончательно. Вы не собираетесь вновь наладить творческие отношения с Олегом Павловичем?

— Нет-нет, я ушел от Табакова только один раз, я не возвращался к нему. Дело в том, что я — выпускник его первого гитисовского курса 1980 года. Поскольку тогда нам не дали открыть свой театр (некто Петр Нилович Демичев из ЦК КПСС не поверил Мастеру, не поверил нам), я поступил в «Современник» артистом, но продолжал числиться студийцем у Табакова. Мы делали вечерами, в любую свободную минуту спектакли, Олег Павлович набрал в Школе-студии МХАТ новый курс, я у него был педагогом. И продолжал жить параллельно — в театре и в студии. «Современник» приютил меня, дал возможность играть, но тем не менее это была скорее гуманитарная акция со стороны театра. А потом, когда нам в 1986-м дали театр-студию, я перешел в труппу уже официально и проработал там до 1991 года. Работал очень много. Поставил спектакль «Ревизор». А ушел по той причине, что меня на тот момент времени не устраивало мое собственное творческое состояние и творческое состояние театра. У меня были претензии и к себе самому, и к репертуару театра, к труппе. Возникли вопросы, которые, как я понимаю, в этом возрасте просто не могут не возникнуть, если организм здоров. И Олег Павлович понимал это. Он пробовал сделать так, чтобы я разрешил внутренние проблемы, не уходя из театра. Но это уже было просто невозможно. И я ушел. Но и до сего дня продолжаю быть единомышленником Олега Павловича.

— А фильм «Ревизор» способствовал этому в какой-то степени?

— Нет, он был уже потом. Я ушел из театра, создал собственную кинокомпанию «Никита и Петр», начал искать источники финансирования разных проектов и попал в самый пик инфляции, когда проекты разваливались один за другим. У меня всегда было много предложений работать в театре и в кино. И по сей день меня не забывают — предлагают вступить в труппу, ставить спектакли, фильмы. Но я хотел иметь свое дело. И вот в 1995 году начал носиться с идеей снять фильм «Ревизор». К ней все относились как-то легко, потому что тогда почти никакого кино не было, а уж про костюмное и говорить не приходится. Да еще русская классика, без чернухи и прочего. В результате Владимир Гусинский поддержал эту сумасшедшую идею, за что ему отдельное спасибо. Ибо без него, конечно, фильма не было бы. Этот фильм в моей жизни сыграл особую роль. Это был как бы переход через какой-то рубеж. Я занимался им почти три года. Потом начались поездки по фестивалям, по разным странам, где-то получал призы, где-то не получал ничего. Почитывал рецензии — и хорошие , и плохие. Меня всегда это радовало, даже тогда, когда ругали. Это ведь тоже результат: значит, чем-то фильм зацепил. Другое дело, что не всегда корректно обращался. Сразу же привлек к проекту художника, который работал над интерьером. Это Володя Филиппов, который работал у меня на «Ревизоре», очень талантливый парень. Интерьер повторяет декорацию нашего фильма, то есть это типичный придорожный трактир, где первый этаж — едальня, а на втором — отдельные кабинеты. Все делалось в тех тонах, специально заказывались канделябры, люстры, светильники (их делали вручную), стулья выпиливали, костюмы для официантов заказывались. А знаете, как наши обои «родились»? Сначала наклеили обычные. А потом пришли ребята-живописцы с «Мосфильма» и стали их расписывать в стиле тех лет. Многие не поняли, зачем мы так уж выкладываемся, мол, кто это оценит? Не иначе крыша поехала. Потом все надо было старить — двери, столы, стулья, те же обои.

— То есть вы не полагались на реальное время, на естественные процессы: мол, пройдет несколько месяцев, и все как бы само состарится?

— Нет, конечно! Надо было все делать без дураков. А работы эти, кстати, очень дорогие. У нас на «Мосфильме» есть уникальные специалисты в этой области. Ребята все состарили, лампы закоптили, полы специально не стали красить, чтобы они выглядели затертыми такими. То есть все сделали для того, чтобы придать ресторану черты заведения того времени. Мы постарались открыть его как раз в день премьеры фильма «Ревизор». Шума было много. И на удивление заведение публике понравилось.

— Ну а народа-то много?

— Все больше и больше становится. Я чувствую, что ресторан нравится. И публика как бы доверяет нам. Мы за полтора года вошли в десятку лучших ресторанов города. Это нельзя не учитывать. И дело не в том, хвалюсь я или нет. Момент здесь очень интересный. Это дело у нас семейное, мы его с братом затеяли. Я — артист, он — дирижер. Два человека от искусства попробовали войти в этот совершенно сумасшедший ресторанный бизнес, заварили эту кашу и находятся на очень хорошем счету. Потому что все качественное — и кухня, и интерьер, и то, что мы там показываем. Например, открываешь меню — это вообще отдельная история, потому что люди по полчаса читают его как увлекательную книгу, рассматривают, изучают. Мы вынуждены были даже допечатать несколько десятков меню.

— А посетители не забирают их в качестве сувениров?

— Уносят, уносят! Конечно! У нас создан специальный запас меню на этот случай.

Ну а потом... Вы знаете, самое страшное в моей жизни уже произошло. Поэтому у меня нет необходимости сейчас заниматься тем, чего я не хочу. То есть мне бы хотелось определить смысл жизни. С голоду я не умираю. Но даже если будет очень тяжело (а у меня случались ситуации, когда элементарно нечего было есть, а на руках уже была семья, ничего, я садился в свой автомобиль и занимался частным извозом), я никогда не занимался и не буду заниматься театром и кино ради денег. Это все осталось в совсем юной молодости, когда очень хотелось сниматься, выступать на сцене. Все это перестало иметь смысл, хочется заниматься тем, что я вообще могу изменить еще. Поэтому я и исчез с горизонта. Я сделал все, что было нужно по раскрутке моего фильма. Я совершенно не люблю тусовку. Но ради картины пришлось посещать разные собрания. Бульварная пресса печатала, с кем я обнимаюсь, с кем общаюсь. Но я терпел все это ради дела. Как только необходимость в этом исчезла, с радостью все это закончил. Ну и потом параллельно у меня шел фильм и начинался ресторан. А это очень тяжелое дело. Вот и до сих пор я все время туда бегаю, благо, это совсем рядом. Посижу, посижу здесь, в театре, а потом туда — посмотреть, как там дела. Конечно, со стороны это смешно: утром — коммерция, вечером — духовное. Но это трудно совмещать. Однако хорошо, когда есть старший брат, который мне здорово помогает, он принимает все главные удары на себя. Беспокоит меня только тогда, когда требуется какое-то принципиальное решение.

— А мафия на вас не наезжала?

— Нет, мафия нас не трогала. Видимо, уважают нас. А может, решили не трогать артистов. Приходили какие-то мужики, которые еще не знали, кто хозяин. А когда узнали, даже предложили свои услуги бесплатно по защите от других «коллег».

Ну а потом я пытался все-таки Ирку свою вытащить. Тогда тоже нужно было время, и разные поездки были... А после мне вообще стало ни до чего. И у меня было не то состояние, чтобы лицедействовать. И до сих пор я не снялся ни в одной картине, хотя предложения все время есть. Да вот буквально два дня назад отверг очередное предложение.

Я очень давно дружу с Ираклием Квирикадзе. И мы договорились, что он напишет для меня одну историю. Он написал уже треть истории. И я жду окончания, как влюбленная девушка.

— Это будет новое кино? Значит, вы с кино не «завязываете»?

— Да. Я люблю делать кино. И совсем бросать его не собираюсь. Я «завязываю» только с тем, что мне не интересно по жизни. Я не хочу его даже допускать до себя. Вот когда сценарий будет готов, тогда я уже начну искать под фильм деньги. И найду столько денег, сколько мне нужно. А не столько, сколько мне дадут. Я не хочу зависеть от комитетов по культуре, от Госкино, от разных чиновников, от их стороннего мнения, сколько мне выделять на фильм. Армен Николаевич Медведев, председатель Госкино, замечательный человек и высокий профессионал своего дела. Но он в таких тисках существует, что при всей своей любви к кино сделать ничего не может. Я его очень люблю, обожаю! Но и в той дикой ситуации, в какой он находится, Медведев всегда изыскивает возможность помочь. Он помог мне запуститься с «Ревизором». После этого со мной стали разговаривать, потому что за моей спиной уже был Комитет по кино. Я считаю, что основные инвестиции в кино должны быть частными. Госкомитет не может все взять на себя. И все-таки не совсем верно, что именно чиновники определяют, сколько денег и кому дать.

— Но они же не свободны в выборе, к сожалению...

— Если бы я был штатным режиссером, я был бы миллиардером, потому что мне очень часто предлагают ставить невероятное количество сериалов (по 150—180 серий). И за каждую серию, которая длится 30 минут и снимается полтора-два дня, предлагают очень большие деньги. Я не хочу этого. И не буду это делать. Даже когда мне придется совсем туго. Хочется сохранить себя.

— Ну а как же вы оказались все-таки в театре Армена Джигарханяна?

— Он позвонил мне как-то и говорит, что ситуация в театре сложилась довольно сложная и ему нужна моя помощь. Ну Джигарханян для меня особый человек. Хорошо, что я помню лицо своего отца. Но если бы не помнил, то...

—....это было бы лицо Армена Борисовича!

— Да! Он для меня, как отец родной. Это человек отдельный в моей жизни, в жизни моей семьи. Наша дружба началась давно. И я для него могу сделать все, что он попросит. Я думал только о том, как скоро я смогу к нему прийти. Вопрос идти или не идти просто не стоял. Дело было во времени, потому что тогда еще были какие-то дела, обязательства перед людьми.

— А что вы делаете в театре?

— Официально я называюсь заместителем художественного руководителя по организационно-творческой работе. А на самом деле занимаюсь абсолютно всем. Я набираю труппу. Вот видели, молодые люди приходили. Мне нужно их посмотреть и решить, подходят они нам или нет. Кроме того, набираю режиссеров, художников, определяю программу театра, репертуар. Короче, делаю все.

Ирина Метлицкая

— Ставить что-нибудь будете?

— Обязательно! И играть буду! Театр находится в катастрофической ситуации по всем показателям и прежде всего по художественной состоятельности. Здесь оказалось довольно много случайных людей — и артистов, и режиссеров. Практически все они освобождены. И идет абсолютная творческая реорганизация.

— Но ведь изначально ядром театра были студенты Армена Борисовича.

— Да, но только в самом, в самом начале. Потом из них осталось всего несколько человек. А большинство — случайные люди. Ведь Армен Борисович очень добрый человек. Он никому не может ни в чем отказать. Ему казалось, и вполне справедливо, что когда перед молодыми людьми встает такая глыба, как он, этого вполне достаточно, чтобы они вели себя как полагается работникам его театра. Но, к сожалению, многие молодые люди неправильно это понимают. Они начинают подменять обычные рабочие отношения чем-то другим. И вести себя по-другому. Я это помню еще по студии Табакова. Когда артист опаздывает на репетицию и это считается нормой, то это плохо. Здесь нужны только хирургические меры. Когда артисту говорят, что он завтра играет замену, а он отвечает: «Я подумаю, играть или нет», — тут тоже поможет только хирургия. Тут нет других вариантов. Вот и подвела Джигарханяна его доброта. И при этом он остается великим Мастером. Но я думаю, что вместе мы уже вышли из этого кризиса. Пик уже был. Я пригласил очень хорошего художника, переговорил со многими актерами, которых не надо представлять, режиссерами, композиторами, драматургами. Сейчас мы утрясаем репертуар до конца года. А уже в октябре сыграем первые два спектакля. Юрий Лужков выделил для новой сцены нам здание кинотеатра «Прогресс», где сейчас идет строительство. Это будет огромный театр Армена Джигарханяна, который возводит правительство Москвы. Для нашего города это, в общем-то, небывалый случай. Но новый сезон мы пока там не откроем, поскольку работ на объекте еще предстоит много.

Ну вот, я так увлекся этой работой, что несколько притормозил кинопроект. Но не отменил вообще. Примерно год-полтора уйдет на сценарий и на то, чтобы поставить театр на ноги. Чтобы он вел не революционную жизнь, а нормальную, размеренную. Чтобы был нормальный творческий результат.

— А ваша компания «Никита и Петр» еще существует?

— Она существует, хоть и сделала за свою жизнь всего один проект — «Ревизор». Все, что она еще начинала, съедала инфляция. Есть незаконченный проект — мультсериал, театральный — там, правда, Ирка моя должна была с Джигарханяном на двоих играть. Ну а сейчас мне очень трудно сказать, что там будет дальше. Наверное, буду держать компанию для своего фильма.

— Когда-то вы говорили, что мечтаете о том, чтобы ваш младший сын Петр научился играть на саксофоне. Какие у него взаимоотношения с этим инструментом?

— Петру девятый год. Он отучился два года по классу саксофона. Но поскольку еще не вышел ростом, ему нельзя пока играть непосредственно на инструменте, поэтому он играет на блок-флейте. Я вообще им очень доволен. Он получает уроки композиции. Это брат мой в нем раскусил. Он его послушал, а потом говорит: «Слушай, у него музыкальные мозги». Петька сочиняет музыку. Очень смешно наблюдать за ним в этот момент. Сидит маленький человек и пишет знаки какие-то. Я говорю: «Что ты пишешь?» — «Музыку сочиняю». — «А ты можешь это сыграть?» — «Да я ж играть-то не умею». — «Как же ты сочиняешь-то?» — «А я просто напеваю, а потом записываю».

Я пришел как-то к учительнице по композиции и говорю: сыграйте то, что Петя сочинил. Она так удивилась: вы что, никогда не слышали? Нет, говорю, не слышал. И она сыграла замечательную грустную красивую мелодию. Вот скоро мы должны купить настоящий саксофон. Причем мы готовимся к этой процедуре очень серьезно. Но я хочу еще пробраться к Алексею Козлову. Даже мне с моими абсолютно немузыкальными мозгами понятно, что у парнишки может случиться профессия. И я хочу, чтобы Алексей подсказал учителя какого-нибудь стоящего.

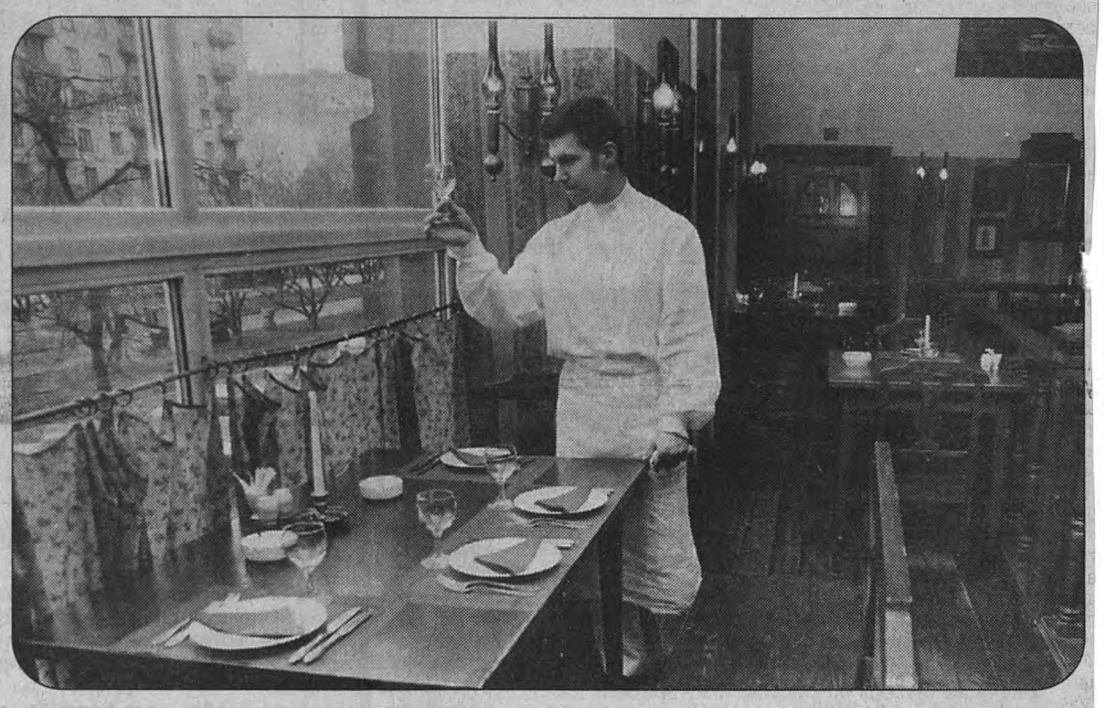
— А старший, Никита, чем занят?

— Он более технически направленный. Занимается компьютерной графикой. Его учитель говорит, что у него абсолютно графические инженерные мозги. Это у него от Ирки. Никита рисует на компьютере совершенно удивительные вещи. Он очень четкий, никогда не забывает слова, всегда поправляет, если скажешь что-нибудь неправильно. Правда, недавно начал спрашивать, что за профессия кинооператор.

— Да вы же хотели, чтобы он стал кинооператором...

— Да, хотели. Но тогда поняли, что у него больше технические наклонности. Но вот видите, он все-таки вернулся к этому. Ну а я сразу приятелю Мишке Аграновичу (известный кинооператор. — М. С.) говорю: сын вдруг прорезался, что с ним делать? Он посоветовал пристроить парня в фотолабораторию, чтобы он просто освоил основные понятия. Пусть попробует. Ему ведь пока только одиннадцатый...

Досье «ВМ»

ГАЗАРОВ Сергей Ишханович родился 13 января 1958 года в Баку. Дебютировал на сцене в 1980 году (театр «Современник»). В этом же году снялся в эпизоде в картине «Незваный друг». После этого сыграл еще более чем в 30 фильмах. Начиная с картины «Ягуар» (1986), снимался последовательно в каждом фильме чилийского режиссера Себастьяна Аларкона, работающего в России. Вместе со своей супругой — актрисой Ириной Метлицкой сыграл в картине «Палач». Наиболее заметные роли в фильмах «Везучая», «Время летать», «День любви», «Катала», «Вход в лабиринт», «Агенты КГБ тоже влюбляются», «Алиса и букинист», «Месье Робина», «Контракт по-итальянски».

В 1986 году открыл вместе с братом Владимиром трактиръ «Хлестаковъ».